

≈ 54 мин

Оглавление [скрыть](#)

[1. Фашизм сегодня](#)

[2. Борьба с фашизмом сегодня](#)

Происходящие на Украине события поставили перед коммунистами ряд требующих решения вопросов. Одним из таких вопросов, который, без сомнения, можно назвать ключевым, является вопрос о фашизме и о тактике коммунистов, которую они должны использовать, борясь против фашизма.

Для выработки правильной тактики нужно сперва выяснить для самих себя сущность того явления, с которым идёт борьба, дать верную оценку происходящим событиям, правильно оценить расстановку классовых сил, и уже исходя из этого анализа выстраивать тактику борьбы.

Попытки дать теоретическое определение фашизму, который впервые появился на исторической арене в 20–30-х годах прошлого столетия, предпринимают и сегодняшние теоретики, но стоит отметить, что положительного результата в этом деле добиваются далеко не все.

Марксизм — это метод, дающий точное представление об окружающей действительности с целью её преобразования. То есть марксизм есть теория, которая предназначена освещать общественную практику пролетариата во главе со своим авангардом. Но, читая теоретические работы по вполне конкретным историческим явлениям, которые появились в конкретных условиях и являются следствием определённых причин, складывается ощущение, что такие теоретики ставят себе целью не освещение практики теорией, а

наоборот, пытаются своими теориями оправдать свои не совсем обдуманые практические действия.

Очень ярким примером такого положения служит позиция РКРП и так называемого «Фонда Рабочей Академии» (ФРА), которые придумали новый термин «фашизм на экспорт». В него они вложили проявление империалистической грабительской политики, которую ведут США, устанавливая подконтрольные правительства в стратегически важных регионах. Но верно ли называть фашизмом конкурентную борьбу монополий за ресурсы, рынки и политическое влияние, какой бы гнусной и агрессивной ни была эта политика? Нет, не верно. Но почему-то теоретики из РКРП и ФРА, которые вроде бы в свою **статью** вставили марксистское определение фашизма, данное Георгием Димитровым, всё равно сделали совершенно ошибочные выводы.

Профессор М. В. Попов и председатель ЦК РКРП В. А. Тюлькин, как и многие современные «антифашисты», не поняли главного в сущности фашизма, а именно, того, что фашизм есть не диктатура финансового капитала США против своих конкурентов — финансового капитала любой другой капиталистической страны, а что фашизм есть открытая террористическая диктатура финансового капитала, наиболее реакционных и шовинистических его кругов, направленная на уничтожение приближающейся социалистической революции и на разгром коммунистического рабочего движения в целом и его авангарда — коммунистической партии — в частности, которое набирает силу в период кризиса империализма, но ещё недостаточно сильного для захвата власти. Это главная составляющая фашизма. То есть фашизм — это не приход к власти

«реакционных олигархов-диктаторов», которые совершили покушение на «нереакционных», «демократически властвующих» олигархов, осуществляющих рыночную конкуренцию силовыми и террористическими методами, фашизм есть диктатура господствующего, но испытывающего неопикуемый страх перед потерей своего господства, перед закатом своей эпохи и приближающейся эпохой коммунизма, класса капиталистов, направленная на разгром коммунистического движения, ибо это единственный и последний способ отсрочить свою неминуемую гибель. Фашизм — это всегда реакционная диктатура, но, в то же время, не всякая реакционная диктатура является фашизмом.

Каждая без исключения буржуазная группировка, пребывающая у власти в любой современной рыночно-демократической стране, является потенциально фашистской. Однако ни при каких других обстоятельствах ни в одной капиталистической стране буржуазия не отбросит буржуазную демократию как форму правления и не прибегнет к фашизму, пока буржуазия этой страны не будет чувствовать опасность коммунистической революции. Вот чего не поняли современные «антифашисты» в сущности конкретного исторического явления, борьбой с которым, по их мнению, они занимаются на Юго-Востоке Украины, в действительности участвуя в империалистических разборках, отдавая жизни за одну из потенциально фашистских группировок, неважно — за российско-донбасскую или американо-украинскую.

«Фашизм на экспорт» — это по сути дела клеймо, которое хотят повесить на самую сильную на данный момент империалистическую державу, осуществляющую свою империалистическую политику теми методами, для

которых у неё есть возможности, — и экономические, и политические, и военные. И навешивать такой ярлык на США не только неверно с научной точки зрения, но в современных условиях вредно даже в пропагандистских целях, ибо это только играет на руку российской официальной антиамериканской пропаганде, вызванной нарастанием противоречий между российским и американским капиталом и направленной российской властью на дискредитацию конкурента перед массами.

Фашизм появился в конкретных исторических условиях, в конкретной экономической и политической обстановке в капиталистическом мире, и для того, чтобы избежать ошибок в определении данного явления, следует уделять особое внимание изучению всех этих условий, нахождению причинно-следственных связей, вызвавших появление фашизма на исторической арене.

Главным итогом Первой мировой войны стала Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Во многих странах Европы также шёл революционный подъём, но вследствие слабости коммунистических партий и большого влияния социал-демократии в пролетарской среде во всех остальных странах Европы, кроме России, социалистические революции потерпели поражение, несмотря на то, что в некоторых из них были близки к успеху.

В силу этих обстоятельств основной политической целью всего мирового империализма после Первой мировой войны стало недопущение распространения большевизма в своих странах, в основном, в Европе, на что были брошены огромные усилия. Британский директор организации по оказанию помощи в странах Центральной Европы сэр Вильям Гуд писал в

Англии в 1925 году о «европейской реконструкции», цитируя свой официальный доклад 1920 года:

«Продукты питания были единственной основой, на которой можно было удержать у власти правительства поспешно созданных государств... Половина Европы находилась на грани большевизма... Если бы в 1919–20 гг. в Центральной и Восточной Европе не была предоставлена помощь кредитами на 137 млн фунтов, то не было бы возможности снабдить их продовольствием и углём и организовать их доставку туда. Лишённые продовольствия, угля и транспорта, Австрия и вероятно ряд других стран пошли бы путём России. Два с половиной года спустя хребет большевизма в Центральной Европе был сломлен главным образом благодаря этим кредитам... Предоставление этих 137 млн было, пожалуй, с финансовой и политической точки зрения одним из лучших капиталовложений, которые когда-либо знала история»¹ .

Плюс ко всему, этому процессу сопутствовал послевоенный подъём промышленности и торговли, который длился до конца 1920-х годов. Основным центром капиталистического подъёма в эти годы были США, которые, во-первых, оказывали огромную финансовую помощь Европе, пытаясь восстановить поколебленные её страны, а во-вторых, примером своей стабилизации финансовой системы пытавшиеся создать идеологическое «опровержение марксизма». «Форд против Маркса» — лозунг американских капиталистов тех времён. Но чем прочнее вся мировая буржуазия пыталась создать иллюзию восстановления капитализма и, таким образом, «опровергнуть марксизм», тем более запутывались все капиталистические страны в своих

собственных противоречиях, ибо переход капитализма в монополистическую стадию прошёл ещё до войны, и производственные мощности выросли настолько, что для того, чтобы постоянно обеспечивать сбыт произведённых товаров, уже тогда был нужен, по сути, «резиновый рынок», который рос бы в той пропорции, в какой растёт производство.

Ещё одним фактором сдерживания распространения революции, если не говорить об интервенциях и белом терроре, была социал-демократия и политика временных уступок рабочим. Социал-демократы имели массовую базу, чем по-максимуму сумела воспользоваться буржуазия, приведя к власти в некоторых странах социал-демократические правительства, президентов и министров, благодаря чему буржуазии удалось разыграть спектакль передачи власти в руки рабочих, а в действительности оставив её в своих руках. Рабочим увеличивали заработную плату, сокращали продолжительность рабочего дня, но всё это делалось, как, впрочем, и всегда, для того, чтобы успокоить пролетариев и заставить их действовать в рамках капитализма, не посягая на его основы.

Но осенью 1929 года в Америке начался промышленный кризис, который, переплетаясь с аграрным кризисом в крестьянских странах и с кризисом в колониях, с огромной скоростью охватил весь капиталистический мир, что неизбежно отразилось на уровне жизни пролетариата европейских стран, который, пожив некоторое время в условиях относительной стабильности и сытости, начал ощущать на себе и обнищание, и безработицу, и другие «побочные эффекты», вызванные противоречиями капиталистического способа производства.

Но капиталистические лидеры не сразу осознали, что столь недолговременный цикл относительной стабилизации и развития подошёл к концу и что капитализм переходит от процветания к перепроизводству, кризису и застою. Осенний крах 1929 года пытались объяснить спекуляциями на американской бирже, утверждали, что это никоим образом не отразится на общем состоянии экономики. Вплоть до 1932 года в докладах и выступлениях министров, президентов и буржуазных экономистов звучали оптимистичные прогнозы и заявления о том, что *«экономика страны покоится на прочной и цветущей базе»* (президент США Г. Гувер, 1929 год), а *«падение ценных бумаг не оказывает серьёзного влияния на покупательную способность населения... Промышленная и торговая структуры страны здоровы»* (товарищ министра торговли Клейн) и т. д. и т. п.

Но совсем по-другому заговорил комитет, созданный президентом Гувером «для исследования современных тенденций». В опубликованном им докладе 1932 года говорилось:

«В самые лучшие годы миллионы семей обречены на жалкое существование. Если не будет ускорен темп развития в области социальных достижений или не замедлится темп механических изобретений, то несомненно опасные разрывы.

Американский уровень жизни должен в ближайшем будущем снизиться ввиду вызванного безработицей снижения зарплаты».

Ситуация в экономике усугублялась. Рынки переполнялись товарами, склады были забиты хлебом до такой степени, что им топили паровозы, в моря

сбрасывали огромные партии кофе.

Параллельно с этим империалистические державы начинают новое вооружение, начинает расти количество локальных военных конфликтов.

Таково было положение в капиталистических странах. Все иллюзии насчёт восстановления капитализма и опровержения марксизма, которые с такой надеждой выстраивали буржуазные идеологи, медленно, но уверенно рушились, и уже тогда стало понятно, что это будет такой кризис, которого ещё не видел капиталистический мир. Многим казалось, что из этой ямы капитализм уже не выберется. Но история, как известно, не идёт по прямой линии, и эти многие тогда ещё не знали, в какую историческую «петлю» закинут человечество грядущие события.

Тем временем СССР показывал огромные темпы роста во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства: научное планирование производства, политика коллективизации аграрной отрасли при обобществлённых средствах производства показывали результаты, о которых страны, находящиеся в рыночной анархии, не могли на тот момент даже мечтать.

Кроме того, СССР был эпицентром мировой революции, что делало его главным врагом мировой империалистической буржуазии, несмотря на внутренние противоречия в самом буржуазном лагере, связанные с борьбой за рынки. И уже тогда для коммунистов было очевидным, что буржуазия будет вооружаться для организации крестового похода против Советского Союза. Уже тогда стало понятно, что старыми методами «буржуазной демократии» империалистическая буржуазия больше не может осуществлять свою диктатуру: опора в лице

социал-демократии, руками которой капиталисты тушили революционный порыв пролетариата, рушилась буквально на глазах. Выборы в европейских странах показывали, что рабочие с каждым годом всё более перестают поддерживать социал-демократов и переходят на сторону коммунистов.

Буржуазная демократия как форма правления была своего рода оружием растущей буржуазии против старых феодальных форм правления, которым она в эпоху буржуазных революций привлекала в свои ряды широкие массы пролетариата и крестьянства. Но с переходом капитализма в свою высшую и последнюю стадию империализма, централизованного и монополистического производства, когда классовая борьба буржуазии и феодалов сменилась борьбой пролетариата с буржуазией, изменение экономических условий нашло своё отражение и в политике. Парламентаризм хоть и до сих пор используется буржуазией для создания иллюзии участия масс в управлении государством, но по своей сути давно превратился в театрализованную фикцию. Если даже закрыть глаза на то, что в парламенте любого уровня в любой рыночно-демократической стране почти все депутаты — это либо сами бизнесмены, либо представители того или иного олигарха, которые попали в парламент с целью лоббировать интересы бизнеса своего спонсора и говорить о роли парламента в государственной системе, то можно констатировать: в парламенте вообще не принимаются никакие решения. Все решения принимаются в закрытых кабинетах, а в парламенте только показательно поднимаются руки клоунов, периодически разыгрывающих на трибунах сцены «жарких дискуссий».

Парламентской демократией буржуазия пользуется лишь до тех пор, пока этого достаточно для сдерживания масс, пока капиталистическая экономика

находится в цикле подъёма промышленности и торговли, а классовая борьба притуплена, и пролетарии согласны молча производить прибавочный продукт, не ведя борьбу за коммунизм. Но при сочетании таких условий, как общий кризис капитализма, подъём революционного движения и наличие сильной марксистской партии, имеющей существенное влияние и осуществляющей руководство борющимся пролетариатом, когда буржуазной демократией больше не удаётся обманывать массы, буржуазия отбрасывает демократические формы управления и осуществляет свою диктатуру открыто, максимально используя имеющуюся в её руках репрессивную машину — государство, — а также спуская с цепи своих верных псов — националистические, фашистские организации, которые взращивались и кормились с рук бизнесменов, но держались ими на цепи в ожидании команды «фас».

Фашистская форма правления не является чем-то случайным или неожиданным в форме господства буржуазии, фашизм совершенно сознательно взращивается и подготавливается классом капиталистов в условиях буржуазной демократии и, когда созревают условия для его применения, из одной формы правления плавно и закономерно вытекает другая.

В тех условиях, когда у буржуазии есть возможность делать пролетариям подачки, когда основная часть пролетариата идёт за социал-демократией, политическая и конституционная система выстраивается таким образом, чтобы социал-демократия имела возможность активного участия в политической жизни государства, для чего нужен парламент. Буржуазия не отбрасывает этот формальный парламент до тех пор, пока пролетариат позволяет социал-демократии держать себя в состоянии раскола и обмана. Но в условиях

глубокого кризиса, сопровождающегося падением уровня жизни, безработицей, и всеобщего обнищания масс и в то же время концентрации производительных сил и денежных ресурсов в руках всё более узкого круга лиц, социал-демократия всё более теряет своё влияние в массах, которые, разочаровавшись в последних, уходят к коммунистам, и тогда буржуазия постепенно сворачивает свою игру в демократию и осуществляет свою диктатуру открыто.

Английский коммунист Р. Пальм Датт в своей книге «Фашизм и социалистическая революция» приводит выдержки из секретного бюллетеня Федерации германских промышленников «Deutsche Führerbriefe», из его статей критического 1932 г. Эти «Письма вождям» представляют собой «политико-экономическую частную корреспонденцию», вначале предназначавшуюся лишь для вождей финансового капитала, входивших в эту федерацию. В № № 72 и 75 от 16 и 20 сентября 1932 года были помещены статьи «о социальной реконсолидации капитализма», ярко отражавшие взгляды господствующих финансовых групп того времени. Вот какие выдержки из этой переписки приводит Р. П. Датт:

«Необходимым условием всякой социальной реконсолидации буржуазного режима, возможной в Германии после войны, является раскол рабочего движения. Единое рабочее движение, развивающееся снизу, должно быть революционным, и буржуазный режим не может устоять против него хотя бы даже с помощью военной силы».

Заметим, что автор утверждает о низовом движении как априори революционном постольку, поскольку оно находится не под контролем

буржуазии, а под влиянием коммунистов. Само по себе, без влияния компартии, низовое движение рабочих революционным никогда не было и не будет. Также стоит заострить внимание на том, какую опасность автор видит в развивающемся снизу революционном движении, говоря, что буржуазный режим не сможет устоять против него даже с помощью военной силы.

«Проблема консолидации буржуазного режима в послевоенной Германии сводится, в общем, к тому, что руководящая буржуазия, контролирующая национальную экономику, стала слишком малочисленной, чтобы собственными силами удержать свою власть. Если она не хочет полагаться на чрезвычайно опасное орудие, каковым является военная сила, то она должна для этой цели вступить в союз со слоями, не принадлежащими к ней в социальном отношении, но которые оказывают ей незаменимую услугу, укрепляя её господство в народе и являясь, таким образом, фактическим и последним оплотом режима. Этим последним и „крайним хранителем“ буржуазного режима в первый период послевоенной консолидации являлась социал-демократия».

<...>

«В первый период реконструкции послевоенного буржуазного режима, с 1923–1924 по 1929–1930 годы, раскол рабочего класса основывался на завоеваниях в области зарплаты и социальной политики, которых добилась социал-демократия, использовав революционный подъём.

Благодаря своему социальному характеру, будучи с самого начала рабочей партией, социал-демократия привлекла к делу реконструкции в этот период, помимо своей политической силы, нечто более ценное и устойчивое, а именно организованный рабочий класс. Парализовав его

революционную энергию, она приковала его к буржуазному государству. Правда, ноябрьский социализм представлял собой также и идеологическое массовое движение, но его сила была не только в этом, — за ним стояла мощь организованного рабочего класса, социальная мощь профсоюзов. Это движение могло пойти на убыль, но профсоюзы оставались, и вместе с ними или, вернее, благодаря им осталась и социал-демократическая партия».

<...>

«Эти завоевания (в области зарплаты и социальной политики) были своего рода шлюзовым механизмом, с помощью которого в условиях сокращающегося рынка труда занятые, прочно организованные слои рабочего класса пользовались неравномерными, но довольно значительными преимуществами по сравнению с безработными и текучими массами низших категорий рабочих; они были в известной степени защищены от последствий безработицы и от влияния общего кризисного положения на их уровень жизни.

Политическая граница между социал-демократией и коммунизмом почти полностью совпадает с социальной и экономической линией этой шлюзовой плотины, и все усилия коммунизма, которые пока что были тщетны, направлены к тому, чтобы прорвать эту защищённую сферу профсоюзов. Эта система работала достаточно хорошо, пока мировой экономический кризис не стал подрывать устои стабилизации. Экономический кризис заставил капитализм ликвидировать „завоевания“ в области зарплаты и социальной политики и тем самым подорвать базу социал-демократии. Но это создало опасность перехода рабочих масс в лагерь коммунизма».

<...>

«Переходный период, который мы сейчас переживаем вследствие того, что экономический кризис неизбежным образом уничтожает эти завоевания, вызывает острую опасность, что с исчезновением этих завоеваний перестанет работать основанный на них механизм раскола рабочего класса, в результате чего рабочий класс повернётся в сторону коммунизма, и буржуазный режим окажется перед необходимостью установить военную диктатуру. Это положило бы начало фазе неизлечимой болезни буржуазного режима. Так как уже нет возможности восстановить прежний шлюзовой механизм, то единственно возможное средство спасения буржуазного режима от этой пропасти — это расколоть рабочий класс и привязать его к государственному аппарату при помощи других, более прямых способов. В этом заключаются позитивные возможности и задачи национал-социализма» [Выделено нами — В. С., Д. Г.]

<...>

«Связь профсоюзной бюрократии с социал-демократией возникает и исчезает вместе с парламентской системой. Возможность либерально-социальной конституции монополистического капитализма определяется наличием автоматического механизма, раскалывающего рабочий класс. Буржуазный режим, основанный на либерально-буржуазной конституции, должен быть не только парламентским: он должен опираться на поддержку социал-демократии и предоставлять ей возможность добиваться соответствующих завоеваний. Буржуазный режим, ликвидирующий эти завоевания, должен пожертвовать социал-демократией и парламентаризмом, должен найти замену социал-демократии и перейти к ограниченной социальной конституции» [то есть к открытой диктатуре финансового капитала по отношению к пролетариату]

— В. С., Д. Г.].

<...>

«Этот параллелизм поистине разительный. Тогдашняя социал-демократия (с 1918 по 1930 год) и нынешний национал-социализм выполняют сходные функции в том отношении, что они оба были могильщиками предшествовавшей системы, и, вместо того чтобы повести массы к провозглашённой ими революции, они их повели к новой форме буржуазного господства [выделено нами — В. С., Д. Г.]. Сравнение, которое часто проводили между Эбертом и Гитлером, является правильным и в этом отношении».

<...>

«Этот параллелизм показывает, что национал-социализм перенял от социал-демократии задачу создания массовой опоры для власти буржуазии в Германии» [но уже в другой форме, в форме открытой военной диктатуры, сменившей собой старые парламентские формы, присущие деятельности социал-демократии — В. С., Д. Г.].

Но впервые фашизм в законченном виде появился в Италии, несмотря на то, что зачаточные формы его можно наблюдать ещё раньше, в ходе подавления попыток социалистической революции в Финляндии, Польше, Венгрии. Можно сказать, что итальянский фашизм — это своего рода эксперимент буржуазии, который проводился в тот период, когда в остальных европейских странах капитализму удавалось справляться силами социал-демократии, парламентаризма и политикой временных социальных уступок рабочим. Обусловлен этот эксперимент был особыми условиями, сложившимися в Италии в начале 20-х годов, которые заключались в том, что в период мощного

революционного подъема 1919–20 годов итальянская социал-демократия, в отличие от немецкой, уже потеряла контроль над массами, и чтобы разбить рабочее движение, которое всё более переходило под контроль коммунистов, буржуазии нужен был фашизм.

Количество членов Итальянской социалистической партии до Первой мировой войны составляло 27 тыс. в 1912 году и 40 тыс. в 1914 году. И если до войны руководство партии включало в себя шовинистов и реформистов, вследствие чего партия была слаба, то после исключения из партии Бономи и Биссолати, а затем и поддержки «циммервальдской» линии во время войны, число членов партии к концу войны выросло до 70 тыс., а вместе с этим вырос и её авторитет и влияние в массах. В 1919 году Социалистическая партия Италии вступила в Коминтерн. И в ноябре этого же года партия выступила на выборах с коммунистической программой диктатуры пролетариата, получив 156 мандатов из 508, притом, что фашистская партия Муссолини не получила ни одного мандата. После этого число членов партии вырастает до 200 тыс., а число членов связанной с партией Конфедерации труда — до 2 млн. На муниципальных выборах в 1920 году партия завоевала более 2 тыс. муниципалитетов, то есть треть от общего их числа. В это же время был пик революционного подъёма в Италии — рабочие захватывали фабрики, но правительство, которое не могло уже рассчитывать на поддержку армии, было бессильно противостоять этому натиску. Всё шло к социалистической революции. Но к ней не созрел субъективный фактор — решительное марксистское руководство партии отсутствовало, а без него любая революционная волна масс всегда будет захлёбываться и идти на спад. В октябре 1920 года Исполком Коммунистического интернационала (ИККИ) писал:

«Итальянская социалистическая партия действует слишком нерешительно. Не партия руководит массами, а массы толкают партию... В Италии имеются все условия для победоносной революции, за исключением одного — хорошей организации рабочего класса».

Несмотря на то, что партия вступила в Интернационал, идейного единства в партии не было. В её руководстве оставались оппортунистические элементы, такие, как реформист Турати и поддержавший его Серрати, который в августе 1920 года на II конгрессе Коминтерна открыто выступил против Ленина и всего международного руководства, после чего увёл из Коммунистического интернационала основную массу членов партии.

Окончательный раскол в Итальянской социалистической партии, вызванный сосуществованием в ней оппортунистических элементов, произошёл в январе 1921 года на съезде в Ливорно. За Серрати пошли 98 тыс. человек, за Турати — 14 тыс. человек, а за коммунистами, во главе которых встали Антонио Грамши и избранный генеральным секретарём Амадео Бордига, — 58 тыс. человек, которые после этого создали Итальянскую коммунистическую партию. Как видим, налицо тот факт, что большинство членов партии, в которой не ведётся должного идеологического контроля за её кадрами, далеко не всегда выбирает правильный путь. Это особенно опасно, когда партия находится в гуще политических событий, в которых решается судьба, не побоимся такого пафоса, истории всего человечества.

После раскола коммунисты предлагали Серрати и его крылу, назвавшемуся «Коммунистическое единство», объединиться в единую коммунистическую

партию, сохранив таким образом около 90 % членов расколовшейся ИСП, очистившись от реформистов, возглавляемых Турати, но Серрати отказался, предпочтя союзу с коммунистами единство с крылом Турати.

Тем временем, к сентябрю 1920 года революционная волна находилась в высшей точке своего развития. В конце августа, в ответ на всеобщий локаут, который грозились устроить предприниматели, рабочие Милана захватили целый ряд металлургических предприятий, после чего это движение начало распространяться в других городах, а к 3 сентября около полумиллиона рабочих держали в своих руках почти все фабрики Италии. В сельскохозяйственных районах страны развернулась борьба за раздел помещичьих земель. Широкие размеры приняло забастовочное движение батраков. Почти в каждой деревне существовали так называемые «камеры труда» и «красные лиги», которые регулировали зарплату, продолжительность рабочего дня батраков, добивались ликвидации феодальных пережитков в отношениях между помещиками и крестьянами. Правительство Италии во главе с премьер-министром Джуованни Джуолиитти могло в тот момент только беспомощно наблюдать за происходящими захватами фабрик и надеяться на реформистов, имеющих влияние в пролетарской среде. И эти надежды, конечно же, оправдались.

11 сентября на объединённой конференции социалистической партии и Конфедерации труда большинством голосов (591 245 против 409 569) было принято решение передать руководство движением в руки Конфедерации труда, которая немедленно вступила в переговоры с правительством и итальянской буржуазией, и уже 19 сентября между этими двумя сторонами было достигнуто соглашение, которое заключалось в том, что рабочие покидают

захваченные фабрики взамен на двадцатипроцентное увеличение заработной платы и некоторый «контроль» за предприятиями. То, чего не могли сделать ни полиция, ни армия, ни правительство, ни бизнесмены, сделали профсоюзы. Они предложили рабочим покинуть захваченные фабрики, и предприниматели получили их обратно в свои руки. После этого позорного предательства итальянского пролетариата профсоюзными вождями и партийными оппортунистами движение пошло на спад, а пролетарские массы, которые столь решительно были настроены, накрыло всеобщее разочарование, которое отразилось и на численности рабочих организаций, и на численности ИСП, число членов которой с сентября 1920 года до январской конференции 1921 года сократилось с 216 тыс. человек до 170 тыс. человек.

Во время всех этих решающих событий фашистская партия Муссолини, которая официально была создана в 1919 году, представляла собой бессильную горстку, которой ничего не оставалось, кроме как стоять в стороне, никоим образом не влияя на происходящие события. Поддержку партия Муссолини получала разве что от правительства. Военные власти в 1919 и 1920 годах бесплатно распространяли среди войск фашистский орган «Popolo d'Italia», но массовую поддержку партии Муссолини обеспечить в это время так и не удалось.

Но после того, как рабочее движение было разбито, в ноябре 1920 года в Болонье начались первые кровавые расправы фашистов с рабочими организациями. Стремление монополистов к сохранению своего классового господства любой ценой сказалось в том, что они поспешили заблаговременно организовать силы, которые смогли бы не допустить новой вспышки революционной борьбы и осуществить превентивную контрреволюцию.

Правительство Джиолитти всеми способами поддерживало и возвращало опору и защитников финансового капитала в Италии. Известный американский журналист Моурер писал:

«В этой атмосфере убийств, насилий и поджогов полиция оставалась „нейтральной“... Должностные лица пожимали плечами, в то время как вооружённые банды под страхом смерти вынуждали социалистов уходить в отставку или устраивали форменные судилища, приговаривая своих врагов к телесным наказаниям, изгнанию или казни... Иногда карабинеры и королевские гвардейцы открыто выступали вместе с фашистами, парализуя сопротивление крестьян. С одними фашистами крестьяне справились бы, но они были беспомощны в борьбе с объединившимися фашистами и полицией; а если они жаловались, власти их арестовывали за то, что они пытались обороняться. Социалистов осуждали за мнимые преступления, совершённые несколько месяцев или лет назад. Фашистов, захваченных на месте преступления, отпускали за недостатком улик».

«Армия сочувствовала и помогала фашистам, снабжая их оружием. Офицеры в военной форме принимали участие в карательных экспедициях. Фашистам разрешали превращать национальные казармы в свои арсеналы»².

Итальянский историк Сальвемини также отмечал единство фашистов с итальянской армией:

«Профессиональные военные, поставлявшие фашистским бандам оружие и

офицеров, внесли в фашистское движение свои умонастроения, а с ними и методическую жестокость, не свойственную политической борьбе в Италии до 1921 года. Именно военные специалисты передали фашистам свой принцип строгой иерархии. Без их помощи никогда не могли бы быть созданы вооружённые отряды фашистов, а организация фашистской партии ничем бы не отличалась от организации любой другой итальянской партии»³.

Таким образом, в течение двух лет шёл процесс фашизации Италии и постепенная передача власти в руки Муссолини.

В этой обстановке террора и насилия, поддерживаемого властями, реформисты и центристы, руководящие большинством итальянского пролетариата, продолжали призывать массы действовать исключительно законными методами и все надежды возлагать на парламентские выборы.

Посчитав, что рабочие силы уже разбиты и дезорганизованы, в мае 1921 года Джиолитти провёл выборы в парламент, но в результате социалисты и коммунисты получили на них ещё больше голосов, чем в 1919 году (1 млн 861 тыс. против 1 млн 840 тыс.). По итогам выборов социалисты получили 122 мандата, коммунисты — 16, а фашисты всего 35. Рабочие надеялись, что фашизм побеждён и парламент защитит их, но фашистский террор только усиливался.

Профсоюзы и оппортунисты не сделали никаких выводов и на этот раз, и следующим их шагом было заключение 3 августа 1921 года договора с фашистами о прекращении всех актов насилия. Коммунисты отказались

участвовать в этой комедии и оказались правы — вооружённые нападения на рабочие организации продолжились, а Муссолини объяснял это тем, что не может успокоить своих сторонников.

Последнее, перед окончательным установлением фашизма, действие оппортунистов заключалось в том, что в июле 1922 года, после отставки Факта, социалисты предприняли попытку участия в парламентской комбинации и предложили королю создать коалиционное правительство. После провала переговоров реформисты задумали «надавить» внепарламентскими методами и, чтобы добиться создания коалиционного правительства, что уже само по себе являлось оппортунистическим решением реформистов, провести всеобщую забастовку, которая была назначена на 1 августа и которая, по выражению всё того же Турати (который был лидером социалистической фракции), должна была стать «стачкой в защиту государства». Но эта стачка могла рассчитывать только на часть членов Конфедерации труда и в силу ряда факторов, самыми важными из которых являлись отсутствие должной подготовки стачки и отсутствие боевого руководства, она изначально должна была потерпеть поражение. После того, как оппортунистическим руководством была предпринята очередная жалкая попытка «давления на власть», которая показала, что рабочее движение в данный момент раздроблено и ослаблено, именно этот момент был воспринят буржуазией самым подходящим для передачи власти в руки Муссолини, для установления открытой террористической диктатуры наиболее реакционных кругов финансового капитала, направленной на окончательный разгром рабочего движения и предотвращения повторного революционного подъёма масс, который на этот раз мог проходить под руководством коммунистов.

Передача власти состоялась в октябре в виде театрализованного представления под названием «поход на Рим», в главных ролях которого были король Италии Виктор Эммануил III, шесть генералов армии, кабинет Факта и сам Бенито Муссолини.

27 октября главнокомандующий армией выступил на фашистском собрании. Кабинет Факта объявил военное положение, в результате чего вся власть переходила в руки военных органов, которые немедленно разрешили фашистам занять все стратегически важные городские центры — вокзалы, телеграф, почту и т. д. Когда это было сделано, утром 28 октября король объявил, что не станет подписывать декрет о введении военного положения, что автоматически означало его отмену, и после этого власти заявили, что уже не могут защитить Рим от фашистов, которым сами же фактически передали в руки весь город. Затем кабинет Факта, который уже вёл переговоры с фашистами, подал в отставку, а Муссолини получил предложение сформировать кабинет. Апофеозом всего этого спектакля стал приезд Муссолини в Рим в спальном вагоне, который состоялся 30 октября.

Но даже после прихода к власти Муссолини первый фашистский эксперимент мировой буржуазии не принимал законченного вида — его окончательные формы вырабатывались непосредственно в процессе практики. Вплоть до 1926 года итальянский фашизм, используя открытый террор и репрессии в отношении коммунистов, оставлял при этом видимость парламентских форм, а также не запрещал существование оппозиционных партий и прессы. И только в 1926 году фашистская диктатура была установлена в своём законченном виде — все оппозиционные партии и газеты были запрещены, а профсоюзы были

официально включены в фашистские синдикаты.

Спустя одиннадцать лет после событий в Италии, в результате которых к власти в этой стране пришел Муссолини, события в Германии развивались практически по тому же сценарию.

Таким образом, изучив конкретно-исторические условия появления фашизма, указав как на общее состояние капитализма в 20-е — 30-е годы прошлого столетия, так и рассмотрев конкретный пример его установления в Италии, можно подвести некоторые итоги.

Так, фашизм появился в 20-е годы прошлого столетия в условиях общего кризиса капитализма, сопровождающегося массовым революционным подъёмом, который проходил под существенным влиянием в пролетарских массах социал-демократии и реформистов, которые помогали буржуазии удерживать пролетариат от взятия власти, после чего обанкротившаяся форма господства класса капиталистов — буржуазная демократия — сменялась открытой террористической диктатурой реакционных и шовинистических групп финансового капитала, направленной на окончательный разгром ослабленного классового врага, в особенности, на разгром его авангарда — коммунистической партии и всего её кадрового состава, в целях предотвращения коммунистической революции.

ФАШИЗМ СЕГОДНЯ

Расстановка классовых сил на политической арене даёт неутешительные прогнозы для современных коммунистов. После идейного перерождения и

распада компартий, а вместе с ними — и крушения социалистических стран, коммунистическое движение только начинает нащупывать тропинки, которые ведут нас к восстановлению. Но состояние дел в коммунистическом лагере по-прежнему очень плачевное. Это относится как к постсоветскому пространству, так и ко всем остальным странам земного шара. На сегодняшний день существует очень немного крупных коммунистических партий, которые проводят наиболее верную марксистскую политику, самая известная из них — Коммунистическая партия Греции (КПГ). В большинстве стран существует множество партий с коммунистическими названиями, но насколько каждая из них соответствует названию — вопрос отдельный.

Что бы ни думали о себе существующие левые партии, как бы они себя ни называли, но коммунистическое движение сегодня находится на стадии создания кружков (особенно это справедливо для стран бывшего СССР). Но существующие кружки находятся только на стадии формирования и, соответственно, никакого значительного влияния на политику пока не оказывают. В таком состоянии и застали украинские события современных марксистов. Практически в таком же состоянии эти события застали и украинский рабочий класс в целом — в состоянии неорганизованности, застоя и полной заражённости буржуазной и националистической идеологией. Как видим, никакого посягательства на основы капитализма на Украине как не было, так и нет. Кругам финансового капитала нет надобности в смене формы правления и установлении фашистской диктатуры по отношению к пролетариату, так как он и так не ведёт никакой борьбы против установившегося на Украине режима.

Но на сегодняшний день можно констатировать, что уроки из истории более добросовестно вынесли олигархи, нежели коммунисты, и, несмотря на отсутствие сильного рабочего движения, процесс фашизации на Украине идёт полным ходом. Обусловлено это совокупностью нескольких факторов.

Во-первых, анархия капиталистического способа производства вновь загоняет рыночную экономику в очередной глубочайший кризис, выходов из которого есть только два — либо новая империалистическая война за передел мира и фашистская форма правления, либо коммунистическая революция. И пока наиболее вероятен первый сценарий. По нему идёт Украина, на территории которой развернулась локальная война американского и российского империализмов руками новой киевской власти и «Новороссии» соответственно.

Во-вторых, в силу ряда исторических и идеологических обстоятельств современное украинское правительство провозглашает «борьбу с коммунизмом», так как понимает под «коммунизмом» политику российского империализма. Подобно российским левым патриотам, их оппоненты — украинские либералы и националисты видят в Путине «восстановителя СССР», а в коммунизме — в первую очередь, «российское господство над Украиной». Однако КПУ — не коммунистическая, а буржуазная партия, настоящих коммунистов на Украине — единицы, но киевские министры и боевики «Правого сектора», борясь с силами, отражающими интересы российского империализма, считают это «борьбой с коммунизмом». Такова ирония истории, которая приводит к тому, что в стране, где, по сути, нет никакой «коммунистической угрозы», развязана оголтелая антикоммунистическая кампания.

В-третьих, фашизации способствуют внутренние противоречия между буржуазными группировками внутри Украины. В условиях кризиса борьба за ресурсы и политическое влияние между олигархами обостряется не только на международной арене, но и внутри страны. Это подтверждают такие эпизоды, как, например, произошедшая 11 июля текущего года перестрелка между «Правым сектором», местными бизнес-структурами и силовиками.

Наконец, разжигание воинствующего национализма и антикоммунизма — проверенное средство буржуазии для отвлечения внимания трудящихся масс от ухудшающегося экономического положения. Война на Донбассе, будучи одной из главных проблем киевского режима, в то же время помогает украинским олигархам обеспечить лояльность населения в ходе неолиберальных реформ, уничтожающих остатки системы социальных гарантий. Ведь «надо сплотиться, когда Украина в опасности», а все социальные протесты можно объявить «происками предателей нации — агентов Москвы».

Старт фашизации объясняется тем, что буржуазия, положение дел которой становится всё более неопределённым, готовит капитализму «подушку безопасности» на случай революционного подъёма, исключать который в такой ситуации совсем нельзя.

Стоит отметить, что этот процесс происходит не только на Украине. Несмотря на то, что происходящие события заставляют нас говорить, в основном, об этой стране, мы обязаны сказать, что процесс фашизации происходит также и в других странах, например, в Турции или в той же России, правительство которой, вопреки осуждающим заявлениям по поводу методов своих украинских

«коллег», пустивших в ход фашистские организации, поддержало проведение форума европейских фашистов в Санкт-Петербурге. Кроме этого, в России начинают появляться фашистские организации при поддержке в том числе и РПЦ, которые уже успели показать себя в деле в этом году, избивая активистов, выступающих против строительства храма в Москве, и разгромив выставку в «Манеже». Именно с таких акций запускается процесс фашизации, и в случае обострения обстановки в России мы тоже увидим свой «Правый сектор», в лице, например, разрекламированного движения «Антимайдан» или «православных дуболомов» из «Сорок Сороков».

БОРЬБА С ФАШИЗМОМ СЕГОДНЯ

В результате все вышперечисленные причины дают повод «пророссийским» левым говорить о фашистском режиме на Украине и поддерживать политику российского империализма и буржуазных ДНР/ЛНР, проводя параллели то с гражданской войной в Испании, то с «1941 годом». Хотя на самом деле мы имеем здесь подмену понятий: проявления фашизма, вызванные борьбой между олигархическими группировками, пытаются приравнять к описанным в первой части статьи фашистским режимам, чьей целью было физическое уничтожение представлявшего на тот момент значительную силу коммунистического движения.

На Украине же олигархи пользуются националистическими и фашистскими идеями, потому что это наиболее удобно, такова доступная массам идеология, соответствующая реакционным устремлениям буржуазии. После 25 лет государственной националистической пропаганды украинский национализм получил широкую поддержку, в том числе в регионах с большой долей

русскоязычного населения, за исключением Крыма и Донбасса, что и обеспечило появление в последних пророссийского «Антимайдана». Хотя порой украинские националисты приспособливают под свои нужды и «советские» мотивы, чего стоит хотя бы известный ролик, где ветеран Великой Отечественной войны, бывший красноармеец, «благословляет» своего внука-солдата украинской армии воевать против сепаратистов, «путинского православного фашизма», по определению киевских борзописцев⁴.

Однако эксплуатация памяти об СССР — прерогатива в большей степени буржуазии из противоположного лагеря. На территории, где сейчас существуют ДНР и ЛНР, среди масс широко распространена советская ностальгия, как желание «снова быть с Россией». А в России сегодня олигархи активно используют советское наследие. Потому имеют место и красные флаги ополченцев, и защита советских памятников.

Верхушка ДНР/ЛНР — антикоммунисты и защитники капитализма, не меньшие, чем киевские власти. Вся их деятельность свидетельствует об этом. Но сложившаяся ситуация вынуждает их использовать «просоветский» пропагандистский ресурс — в силу специфики региона, где они захватили власть, а также в силу сложившейся ситуации, в которой они вынуждены противостоять своим оппонентам не только на полях сражений, но и в информационном пространстве. Тем более, что в «Новороссии», как и на Украине, все сколько-нибудь многочисленные левые организации — аналоги КПУ, служащие подпоркой буржуазной власти. «Коммунисты» зюгановско-симоненковского типа, абсолютно лояльные правящей группировке «Новороссии», несущие буржуазную чушь про многоукладную экономику и

«традиции 1941 года в ДНР», играющиеся во всяческих ряженных «пионеров», укрепляют пророссийскую власть и, конечно, имеют некоторый режим благоприятствования с её стороны. Но наивно полагать, что он будет распространяться на настоящих коммунистов, когда они завоюют в «Новороссии» сколько-нибудь заметное влияние.

Положение коммунистического движения на сегодня не даёт никаких оснований говорить о существенной разнице между украинским режимом и режимом «Новороссии». Украинская «декоммунизация», по сути, — аналог того, что сделано ещё лет 20-25 назад буржуазными (притом не фашистскими, а вполне демократическими) режимами в странах Прибалтики, Венгрии, Польше и т. д. В отличие от России и ДНР/ЛНР, капиталистам этих стран незачем использовать ностальгию по социализму, она не может служить им подпоркой в целях патриотического оболванивания масс и оправдания агрессивных внешнеполитических устремлений. Потому они откровенно говорят о коммунизме то, что о нём думают олигархи всех стран, и тщетно пытаются попросту «закопать» всё, связанное с социализмом, как навсегда ушедшее прошлое. Особенность Украины только в том, что данная ситуация отягощена войной и деятельностью «наследников советского строя» в пользу враждебного украинским властям российского империализма.

Россия же проводит свою империалистическую политику, пытаясь создать себе образ «борца за освобождение мира от одностороннего диктата злых сил», такой образ удобно использовать, борясь против своего главного конкурента, — Соединённых Штатов Америки и их доминирующей политики на мировой арене. Отсюда и «терпимое» отношение к советским символам, и заигрывание с

(продажными и беспринципными) левыми организациями. Ярким примером тому служит **намерение** российских властей провести в 2017 году, — в год 100-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции, — Всемирный фестиваль молодёжи и студентов (ВФМС) в России, финансирование которого будет проводиться из государственного бюджета. Но, как говорится, заказывает музыку тот, кто за неё платит, и российские власти, по словам Дарьи Митиной на «Форуме левых сил Сибири», который состоялся в августе этого года в Бийске, пытаются провести этот фестиваль левых молодёжных организаций под лозунгом «Россия — лидер свободного мира».

Кстати говоря, самая протитуированная из «левых» партий России, которой является КПРФ, в создании этого образа российскому империализму всячески помогает, запутывая тем самым левых на международном уровне. Политиканы из буржуазной, социал-шовинистической партии с «коммунистическим» названием не зря едят свой кремлёвский хлеб, отрабатывают они его с полной самоотдачей. Вот, **что** говорит один из лидеров КПРФ Юрий Афонин:

*«Сегодня именно левые силы оказывают России наиболее последовательную и широкую международную поддержку...
Всё это не случайно. Огромный авторитет среди левых сил мира был наработан нашей страной во времена СССР. А КПРФ уже в течение более 20 лет проводит на международной арене последовательно антиимпериалистическую политику, чем снискала серьёзный авторитет среди левой общественности. Конечно, левые силы не могли поддерживать внешнеполитический курс РФ в те времена, когда мы слепо шли в фарватере политики США и НАТО. Но сегодня Россия во многих ключевых*

вопросах объективно противостоит западному империализму. Более того, в эпоху, когда в Западной Европе и на Украине поднимает голову неонацизм, именно Россия оказалась на переднем крае борьбы с новой фашистской угрозой.

Эти факторы позволяют нам максимально мобилизовать на поддержку России широчайший спектр левых организаций планеты. С товарищами по ВФДМ мы наметили ряд новых мероприятий на этом направлении. Нужно ясно понимать, что нынешняя широкая поддержка нашей страны со стороны левых сил мира — это часть того великого наследия, которое современная Россия получила от Советского Союза, и следствие авторитета КПРФ в международной левой среде. С руководством ВФДМ, с лидерами крупнейших левых молодёжных организаций разных стран мы работаем уже многие годы, вместе участвовали во многих международных форумах левых сил. Сегодня это серьёзно помогает нам заручиться их поддержкой для России».

По сути, Афонин этими «откровениями» объясняет, какую нишу КПРФ занимает в создании этого PR-образа для империалистической РФ, которую он пытается выставить «противостоящей западному империализму». Единственное, о чём скромно умолчал Афонин, это то, что Россия «противостоит западному империализму» как империализм восточноевропейский, то есть исключительно, как противостоят друг другу конкурирующие монополии, которые делят между собой сферы влияния и рынки.

Поэтому существующим группам марксистов нет резона принимать сторону пророссийских сепаратистов в конфликте, считая это «антифашисткой

борьбой». Блоки коммунистов с буржуазными силами в борьбе против фашизма в прежнюю эпоху, в первую очередь, в Европе 1930-40-х годов, были порождением конкретной ситуации. А именно:

1. Достаточно влиятельных коммунистических партий, за спиной которых стояли рабочие массы и поддерживающий их всеми способами Советский Союз;
2. Стремление фашизма уничтожить коммунизм физически как организованную силу, угрожающую власти капитала.

Сейчас у коммунистов нет ни сил, ни влияния, ни авторитетного центра, и оттого главная цель неофашистов — вовсе не коммунисты, а буржуазные имитаторы коммунизма. Повторять мантры про «Народный фронт» — не более, чем историческая реконструкция, которая для коммунистов может обернуться только бессмысленными жертвами.

Сегодня наша борьба с фашизмом — это в первую очередь фундаментальная пропаганда, строительство дееспособной организации. Украинские левые 20 лет вместо этого «строили единые фронты», «объединяли усилия», «преодолевали сектанское деление на сталинистов и троцкистов» и в результате пришли к нынешнему печальному результату. Небольшая группа марксистов не может овладеть ситуацией, подобной той, что сложилась на Украине весной 2014 года, для этого необходимо наработать влияние, создать организационные структуры коммунистической партии. Такова сегодняшняя задача. То есть, по сути в настоящий момент нет никакой разницы между антифашистской борьбой и вообще коммунистической работой.

Украинским товарищам, учитывая, что атакам подвергаются в первую очередь

пророссийские организации, за свою поддержку сепаратизма, следует максимально отмежёвываться от всяческих «борцов за русский мир». Запрещена советская символика, опасно проводить уличные акции, однако символика не может играть решающего значения, а уличные акции на кружковом этапе неактуальны. На Украине не запрещено читать классиков марксизма-ленинизма и пропагандировать их идейное наследие. Да, товарищам приходится соблюдать большую осторожность в высказываниях, нежели раньше, чтобы не подпасть под пресловутое «оправдание преступлений тоталитарного режима». Однако это не значит, что нужно попадать в тюрьму или умирать в конкурентной борьбе буржуазных группировок. Чёткая позиция по дистанцированию от обеих противоборствующих сил — наиболее целесообразный способ сохранить имеющиеся в наличии марксистские кадры для дальнейшей работы.

«Единый антифашистский фронт», как и вообще союзы с относительно прогрессивными некоммунистическими силами, актуальны тогда, когда у коммунистов реально есть сила влиять на политические процессы, когда буржуазная система в кризисе и есть шанс ликвидировать либо значительно ослабить её. Более того, вступать в союз коммунисты должны только в тех случаях, когда этот союз будет работать на коммунистов, а не коммунисты будут работать на своих временных союзников, которые, в сущности, могут быть и классовыми врагами пролетариата.

Таким образом, сегодняшняя марксистская позиция по фашизму и борьбе с ним должна быть выражена следующими тезисами:

1. Определение, данное фашизму VII конгрессом Коминтерна, несколько не устарело и соответствует реальности и сейчас, но при этом принципиально иной является обстановка, в которой приходится действовать коммунистам;
2. Капиталистический строй в любой стране может принять форму фашистского режима, но только в случае реальной угрозы социалистической революции;
3. Отдельные элементы фашизма могут возникать и в странах, где такой угрозы нет, в качестве манипулятивного момента, связанного с теми или иными особенностями данной страны;
4. Коммунистам вовсе не надо ввязываться в любой конфликт, особенно вооружённый, между различными группировками буржуазии, где с одной стороны присутствуют фашизоидные элементы, а с другой — люди, называющие себя «антифашистами». Каждый союз с буржуазными силами должен предваряться вопросом — есть ли у коммунистов достаточно возможностей, чтобы навязать свою политику буржуазным союзникам, или же придётся фактически проводить политику одной из буржуазных группировок? Во втором случае союз не имеет никакого смысла. А уж посылать немногочисленные коммунистические кадры умирать и калечиться в огне внутрибуржуазной гражданской войны — и вовсе преступление.
5. Борьбу против фашизма нужно начинать не тогда, когда фашизм в законченном виде установится в той или иной стране, а на ранних стадиях его зарождения в буржуазно-демократической форме правления. На этом этапе нужно вести агитацию и пропаганду против любого реакционного проявления, против любых фашистских организаций и проводимых этими организациями акций.
6. Самый верный способ не допустить установления фашизма — это победа социалистической революции до установления фашистской диктатуры, но в данный момент её перспектива выглядит пока более отдалённой.

7. В условиях установления фашистской диктатуры борьба коммунистов должна выстраиваться не за возвращение к буржуазной демократии, в которой и зарождается фашизм, а за победу социалистической революции, если у коммунистов для этого достаточно сил.
8. На сегодняшнем этапе первоочередной задачей марксистов является построение теоретически и организационно сильной коммунистической партии, и в этом направлении нужно активизировать свою работу. События развиваются стремительно, и, судя по тому, что произошло на Украине, коммунисты совсем не готовы к смене политической обстановки. Этот недостаток нужно ликвидировать как можно скорее, чтобы не попасть в положение беспомощных наблюдателей в тот момент, когда за окном будет решаться, по какой дороге пойдёт человеческая история.

Таким образом, в вопросе антифашистской борьбы необходимо учитывать конкретно-исторические условия каждой эпохи и расстановку классовых сил на арене политической борьбы. Иначе «борьба с фашизмом» превращается в очередную пустой лозунг, способный лишь прикрывать красным словцом буржуазную политику.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Сэр Вильям Гуд. «Times», 14/X 1925. ↩
2. E. A. Mowrer, «Immortal Italy». ↩
3. G. Salvemini, «The Fascist Dictatorship». ↩
4. Украина. День Победы. Дед. ↩